

Николай Наливайко

Творить чудеса

(о тренере Ч. М. Галиулине)

До встречи с ним я не имел никакого отношения к бегу, и вообще вряд ли стал бы заниматься спортом, если бы не он. Был я хилым, во всяком случае, с виду. Учился на первом курсе Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта имени академика В. Н. Образцова. Неосмотрительно пропускал занятия по физической подготовке, и когда пришла зачетная неделя, никто зачет по «физ-ре» ставить мне не собирался. Спасла меня знакомая девушка, которая тренировалась в группе у Чингара Михайловича (Минивалеевича) Галиулина, который работал тогда в нашем институте. Она договорилась с ним, что если я на его глазах кое-как пробегу небольшую дистанцию и впредь буду ходить к нему на тренировки, то он, быть может, поставит мне зачет...

На жизнь каждого спортсмена огромное влияние оказывает тренер. Первый или последующий — не столь важно, но это истина общеизвестная. Ни один спортсмен-самородок не способен добиться каких-либо значимых результатов в спорте без помощи наставника. На мою спортивную судьбу и всю жизнь неоспоримое воздействие оказал заслуженный тренер РСФСР Ч. М. Галиулин. Для нас, учеников, он был — Чингар Михайлович, или *шеф*, друзья же звали его Чаней.

Дело не в том, что я обогнал всех его учеников, когда он устроил им «прикидку», подключив и меня, новичка. Да и не в том, что он в итоге поставил мне зачет. Главное — то, что он сказал мне после бега. Шеф посмотрел на меня особым взглядом — не то удивленно, не то восхищенно, — и сказал, что у меня — «природный дар», что я рожден для бега, что у меня «естественный накат», так называемое «колесо», которое в беге демонстрируют большей частью негритянские атлеты. «Парень, ты

через пару лет будешь творить чудеса!» — эту фразу я запомнил на всю жизнь, она до сих имеет для меня значение, тогда же его слова пробудили во мне дремавшее честолюбие. Захотелось совершить нечто значительное, стать известным...

Одним словом, он меня зажег.

Тренировать Галиулин только начинал, ЛИИЖТ был первым местом его работы. Родом он был из Уфы. Окончил Государственный институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. Выступал в беге на средние дистанции, входил в сборную СССР. Был призером чемпионата страны. Окончание своей спортивной карьеры ознаменовал написанием статьи в известном спортивном журнале. Статья называлась: «Есть ли у нас Снеллы?»¹ Статья касалась спорта в целом и на тот момент была очень злободневной. Наш тренер нелицеприятно отозвался о некоторых спортивных руководителях, и кое-кого из-за статьи сместили с должности. Автору этого не простили, и вплоть до перестройки он числился «невыездным» за рубеж. Но за смелость и прямоту, за отстаивание интересов спорта к нему стали относиться с уважением.

За два-три года работы в ЛИИЖТе ему удалось поднять легкую атлетику в вузе на самый высокий городской уровень. Это касалось не только беговых видов. В сборной команде института имелось немало талантливых спортсменов. Правда, «селекционная» работа и без него была неплохо налажена. По всей стране рассылали письма подающим надежды выпускникам школ с приглашением учиться в нашем институте. И те приезжали. Но тренеров в институте не хватало, и шеф находил наставников в городе. Уровень подготовки команды стал неуклонно расти, и через несколько лет ЛИИЖТ с большим отрывом выиграл чемпионат среди вузов.

Росли и наши результаты. Галиулин прекрасно владел методиками развития выносливости, быстроты, силы. Посмеивался над теми, кто пользовался фармакологией и уповал на нее.

А еще он организовывал поездки студентов в зимние и летние лагеря. География этих лагерей простиралась от эстонского Пярну до севастопольского Херсонеса. Пользуясь своим обаянием, он наладил отношения с главным бухгалтером вуза и выбивал деньги на сборы. Никому не давали, а ему давали...

Разумеется, ему приходилось приглашать в лагеря кое-кого из администрации института и влиятельных профессоров. Он делал это ради нас. Многие студенты-спортсмены из-за тренировок пропускали учебу

---

¹ Питер Снелл — новозеландец, трехкратный олимпийский чемпион, мировой рекордсмен в беге на 800 м.

и имели все шансы «обрасти хвостами», но благодаря тренеру мы все чувствовали себя в безопасности.

Помню эпизод в Дагомысе, где находился наш летний лагерь. У меня и моего друга произошел конфликт на пляже с двумя местными ребятами. Проще говоря, мы им хорошо врезали. Вечером возле столовой нас ждала толпа местных ребят — человек пятнадцать, все с палками в руках. Нас ожидала незавидная участь...

И тут вдруг появился шеф. Как-то по-особому грозно он приказал всем разойтись. Он не владел навыками гипноза, но местные ребята почему-то сникли, расступились и дали нам дорогу. Шеф глянул на нас и велел идти в лагерь. В его взгляде чувствовались непререкаемая воля и властный характер; казалось, от него можно ждать чего угодно... В тот вечер шеф определенно нас спас.

Где бы ни появлялся наш тренер, он сразу обрастал друзьями, всюду становился желанным гостем. Как это у него получалось?.. Был у него и талант предпринимателя — любое дело, за которое он брался, завершалось успехом.

Мы безоговорочно верили в своего шефа. В нем было столько целеустремленности, столько душевных сил, столько личностного разнообразия, что каждый брал от него что-то свое, и всем хватало. Удивление вызывало то, как он мог при всей своей занятости держать в поле зрения каждого из нас. Это и режим, и нагрузки, и отдых... Каждый из нас вел дневник, который он иногда — если у спортсмена что-то не получалось — внимательно просматривал. А кто сейчас ведет дневник?

Однажды со мной приключилась неприятность. Стоял слякотный март. Мы бегали кросс по шоссе в Кавголове, дорога была скользкая, и я потянул мышцы ног. Кроме того, переодеваясь в холодной даче, которую для нас снимали, продрог и к вечеру заболел. Утром пошел на занятия в институт. Во время лабораторной работы мне стало плохо. Увезли в больницу...

Первым, кто меня навестил, был шеф. На тот момент я ничем особо не отличался от других его учеников. В группе даже имелись ребята сильнее и перспективнее меня. Первые слова шефа были: «Нас бьют, а мы крепчаем». Он привез мне «Мартина Идена» Джека Лондона, книгу о выдающемся чешском бегуне Эмиле Затопеке, ознаменовавшем собой целую эпоху послевоенного спорта, и о Владимире Куце, которого он лично знал и с которым был дружен. Его друзьями также были олимпийский чемпион Петр Болотников и легенда советского спорта Валерий Попенченко.

Тогда в Ленинграде работало много выдающихся спортсменов. Некоторые выглядели недоступными, но едва им попадался на глаза шеф,

как с них сразу слетала маска высокомерия, и начинался совершенно непринужденный разговор. С шефом они делились своими проблемами, которые бывают и у великих; конечно, какому «великому» захочется о них рассказывать! Чаня для каждого находил полезный совет.

У шефа была по-настоящему эпикурейская натура. Казалось, своих проблем у него никогда не было, словно сам Бог берег его для помощи другим. Он мог решить почти любую проблему. И так по-доброму шутил, у него всегда были наготове анекдот или байка.

Шеф и внешне выделялся своей европейской внешностью, был похож на красавца-актера, не на Делона, скорее — на весельчака Бельмондо. Хотя ни французской крови, ни итальянской в нем не было, зато имелись башкирские, возможно, татарские корни. И еще он обладал большими сияющими глазами, которыми умел воодушевлять нас.

На стадионе, где он сидел с секундомером, его всегда окружала компания таких же веселых друзей: тренеры, бармены, даже один работник КГБ... Шеф, шутя, называл всю эту компанию «армией спасения».

Чудо, которое тренер мне обещал, я все-таки совершил. Мне очень хотелось оправдать его надежды.

Чемпионат страны проходил в родном мне Киеве. Шеф знал мои скоростные возможности и, когда кто-то из сборной заговорил о рекорде страны, предложил мне возглавить бег в соответствующем темпе. Что я и сделал. К сожалению, самого меня вышибли из тройки призеров, но два других наших бегуна пробежали выше рекорда СССР. Обо мне, как о дерзком зачинателе рекордов, писали в газетах даже больше, чем о победителях...

А потом на его тренерскую и организаторскую работу в вузе обратили внимание. Чингара Михайловича пригласили в городской спорткомитет на должность «гостренера по выносливости». Была тогда такая должность, она финансировалась из бюджета Москвы. Там он уже развернулся! Выявлял особо талантливых спортсменов в спортивных обществах, в детских спортивных школах, а их тренеров привлекал на сборы и во всем поддерживал. С его подачи в городе стали проводиться тренерские советы по выносливости, на которых решались вопросы развития бега в Ленинграде. Многие тренеры до сих пор обязаны Галиулину своими успехами и известностью. Ленинград поднялся высоко и на Всесоюзных соревнованиях по кроссу соперничал со всей Россией и с Украиной. Конец семидесятых и начало восьмидесятых были временем подъема отечественного спорта. Тогда и состоялась Московская Олимпиада, на которой успешно выступили многие ленинградцы. Тогда-то шефу и присвоили звание Заслуженного тренера.

Я в ту пору сам уже работал тренером. У меня были приличные ученики. Шеф брал нас на свои городские сборы. Где мы только ни побывали! Сборы проходили в самых интересных, даже экзотических местах Союза. Побывали мы и на высоте Цахкадзора, что рядом с озером Севан, на Иссык-Куле в Тянь-Шанских горах, и под Брестом на чудесном Белом озере, и много где еще. И везде шеф находил местный краеведческий музей, сам ходил и нас приучил.

На подарки и угощения местных деятелей требовались средства, которые советскими порядками не были предусмотрены. Шеф всегда возил с собой полный чемодан «товара», по приезде его сбывал, а деньги тратил обычно на всякую зелень к столу спортсменов, на экскурсии или же на угощения местных деятелей.

Хорошо бы так и продолжалось, но пришла перестройка.

Начало ее шеф воспринял с энтузиазмом. Новшества напрямую его коснулись. Он стал «выездным» и наконец-то навестил дочку, живущую в Сиэтле. Она у него была красавицей, работала моделью, поехала в США, там вышла замуж и осталась.

Но перестройка продолжалась, и дальше все стало очень печально. Большой спорт вдруг оказался никому не нужен. Его объявили «советской показухой». Многие спортивные общества расформировали. О массовой и детской физкультуре уже никто не думал. Появились кооперативы, где набирались платные группы, но и они вскоре стали закрываться, потому что людям не хватало денег на жизнь.

Найти себе место в новой жизни шефу не удалось. На беду, он стал выпивать, и всерьез. Мы, его ученики, не растерялись: большинство приспособилось зарабатывать деньги. Я взял в аренду несколько ларьков и стал торговать, чем попало, и кое-что зарабатывал, хотя деньги мгновенно обесценивались.

Однажды шеф пришел ко мне в ларек, принес какие-то ненужные ему вещи и попросил их продать. Мы разговорились. Я недоумевал, почему он не пользуется своим предпринимательским даром, своими связями. Шеф ответил уклончиво: мол, сам он уже не тот, да и связи его такие же старые, как он сам. Было ему уже под шестьдесят, и глаза его больше не сияли. Напоследок шеф пожаловался, что неважно себя чувствует, просил «продать барахлишко» и выражал надежду, что вскоре, когда из Сиэтла приедут его жена и дочь, ему полегчает.

Я отдал ему деньги за товар вперед — столько, сколько он просил. А приезда дочки шеф так и не дождался: накануне умер.

Проститься с ним пришло полгорода. Люди на похоронах были самые разные — все-таки удивительным он был человеком.